

УДК 159.9

ТРАДИЦИИ, ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И НОВАЦИИ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ И ИСТОРИКО-НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ

© 2025 г. О. Г. Носкова^{1,*}

¹Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, Россия.

*Доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии труда
и инженерной психологии факультета психологии.
E-mail: nog4813@mail.ru

Поступила 14.04.2025

Аннотация. Текст подготовлен в порядке дискуссионного обсуждения на страницах “Психологического журнала” статьи Ю.Н. Олейника и А.Л. Журавлева “Научные традиции как механизм преемственности психологического познания”, опубликованной в двух частях: Часть 1. — “Состояние и трудности изучения” и Часть 2. — “Проблемы и перспективы исследования” (Психологический журнал, № 3–4, 2024). Отмечаются ценные идеи обсуждаемой статьи, важные для психологической науки и ее истории; кроме того, выделены спорные положения, предлагаются варианты их некоторой коррекции и дополнения.

Ключевые слова: наука о науке, психологическая наука, методология науки, история психологии, традиции, преемственность, новации.

DOI: 10.31857/S0205959225030139

Статья Ю.Н. Олейника и А.Л. Журавлева “Научные традиции как механизм преемственности психологического познания” [6; 7] посвящена, безусловно, актуальной методологической проблеме психологической науки и ее истории – вопросам сохранения и воспроизводства сущностных характеристик научно-психологического познания. Выбранные термины могут свидетельствовать о том, что авторы статьи проявляют заботу в первую очередь о том, чтобы не растерять в условиях многопарадигмальности и методологического плюрализма научного наследия, которое нам досталось от наших учителей и предшественников. И такие опасения, конечно, имеют свои основания и могут быть оправданы. В вихре идеологических перемен, осуществляемых под флагом новых культурно-исторических познавательных “оптик” (таких как “постнеклассическая”, “модернистская” и “постмодернистская” психология и пр.), когда читателям предлагается отречься от критериев научности познания, выработанных в позитивизме XIX и XX вв. [3], – возникает реальная опасность превращения психологической науки в вариант ясновидения, астрологии и подобных им наукообразных областей знания. Задача сохранения научно-психологического наследия, передачи молодым поколениям совокупности понятий и категорий психологии, методов

и методологии научного познания психической реальности, прошедших проверку на валидность и достоверность, безусловно, является важной и оправданной.

Обратимся к содержанию обсуждаемой статьи. В первой части статьи [6] авторы фиксируют парадокс, состоящий в том, что в истории психологии термин “традиция” регулярно используется, но обладает многозначностью, при этом отсутствуют специальные исследования по эмпирическому изучению соответствующей ему реальности. Здесь авторы указывают на сходство ситуации в исследовании традиций психологических и историко-психологических исследований с изучением традиций в исторических, обществоведческих, культурологических публикациях. Отмечаются как общие, так и специфические особенности соотношения традиций и новаций в истории науки и обществознания [2; 8–10].

Авторы статьи выделяют в науке в качестве одной из отличительных ее черт – *преемственность*, понимаемую как трансляцию результатов научного познания, как передачу научных знаний от поколения к поколению. То есть в центре внимания авторов рассматриваемой статьи оказываются те стороны науки, которые ответственны за ее устойчивость во времени, сохранность достигнутых знаний, познавательных средств, методологических познавательных принципов,

установок. Научные традиции рассматриваются с этой точки зрения в роли организационных механизмов обеспечения передачи, трансляции знаний, установок, принципов и пр. Другими словами, традиции понимаются и анализируются в статье, действительно, в соответствии с названием статьи, – в функции механизма преемственности научно-психологического познания.

Вторая часть статьи [7] посвящена теоретической модели изучения совокупности традиций в отечественной психологии, при этом точкой опоры в суждениях о позитивном или негативном влиянии традиций на развитие психологической науки становится общее представление о трех основных аспектах науки, которые принято выделять в науковедении (и истории психологии, в частности). Речь идет, во-первых, о *научном знании* (его понятийном содержании, методах получения и оценки знаний, соответствии его принципам научности); во-вторых, рассматривается *наука как социальный институт* во всех вариантах его взаимодействия с другими формами общественного сознания; в-третьих, *наука рассматривается как вид деятельности* людей (ученых), в которой производится научное знание. В каждой из указанных трех сторон науки авторы находят проявления традиций как социального регулятора, обеспечивающего существование и относительную устойчивость науки во времени. Вслед за польским историком Е. Шацким [9] авторы обсуждаемой статьи предлагают изучать традиции в их трех формах, но не как традиции историко-обществоведческие, а как традиции научные: 1) с точки зрения *функций*, реализуемых традициями в науке; 2) с точки зрения *объекта* (или содержания) научного знания, транслируемого от поколения к поколению традициями; 3) с точки зрения *субъектного отношения* деятелей науки к традициям [6–7]. Теоретическая модель рассмотрения психологической науки (и ее истории) в контексте указанных трех ее сторон и с позиции изучения функциональных, объектных и субъектных форм традиций, как механизма преемственности действительно представляется *новаторской* и полезной как для отечественной психологии, так и ее истории. Можно приветствовать также добавление авторами обсуждаемой статьи четвертого основания для анализа науки, а именно изучения особенностей ее форм в разные временные этапы гражданской истории общества.

Следует отметить еще один важный момент представленной теоретической модели науки, а именно вопрос о соотношении традиционного и нового в научно-психологическом познании и в истории его изучения. В обсуждаемой статье *порождение научно-го знания* рассматривается как один из продуктов

науки, понимаемой в качестве вида познавательной деятельности, и рядоположенный другим ее продуктам, результатам. Авторы опираются при этом на работы японских ученых И. Нонака и Н. Такойчи [11], а также на обстоятельный обзор концепций управления знаниями сотрудников компании, выполненный В.Н. Носуленко и В.А. Терехиным [5]. Эти работы позволяют авторам обсуждаемой статьи [6–7] “вынести за скобки” проблему вариантов порождения знания как предмет изучения инноваций (революций, смены парадигм) в науке как момент, выступающий в форме частного проявления традиций в науке, или как пример традиций обновления знаний в новых условиях, что, на наш взгляд, остается спорным. А точнее такое суженное понимание научных революций не полно и не точно охватывает разновидности новаций научных знаний, обстоятельства их возникновения, влияющие на эти процессы факторы.

Авторы подчеркивают, что теоретическая модель науки не ограничивается механическим объединением указанных трех составляющих, однако они не дают своего понимания какой-либо иерархии очередности, важности в их изучении. Тем не менее полезным итогом рассмотрения теоретической модели науки оказывается высказанная авторами обсуждаемой статьи идея сосуществования, “*единства преемственности и инноваций в генезисе научных знаний*” [7, с. 7]. Важно также отметить, что традиции и инновации в своих специфических формах могут быть обнаружены (согласно авторской теоретической модели) в каждой из рассмотренных выше трех сторонах науки.

В целом представленная во второй части статьи теоретическая модель науки [7], на наш взгляд, имеет право на существование и может быть вполне распространена и на психологическую науку (несмотря на указания отличий психологии, как и других гуманитарных наук, от естествознания [3; 10]). Однако у читателя возникает ряд вопросов и предложений, которые, надеемся, будут полезными как в совершенствовании теории, так и в рамках эмпирической части историко-психологических исследований.

В научном познании (в частности, научно-психологическом познании) преемственность, проблема трансляции готового знания от одного человека – другому, от поколения – к поколению и пр.) – задача, несомненно, важная, но не определяющая центральных функций науки, состоящих в *порождении новой информации*, создании *новых* объяснительных моделей изучаемых явлений действительности, необходимых для решения *новых проблем*. Вопросы передачи знаний (от учителя к ученикам, от мастера-эксперта к новичкам) – это предмет науки, прежде всего педагогической, в котором есть и психологические основания. Но в психологии имеют место

и другие проблемы и объекты изучения, помимо тематики “управления знаниями”. С этой точки зрения упомянутые выше японские авторы [11] обсуждают вопросы профессионального обучения и повышения квалификации, вопросы технологии *передачи готового знания*, а не *порождение нового знания* в его объективированной форме. В этом смысле изучение переходов “от неявного знания к явному” и т.п., на наш взгляд, — еще мало способствуют исследованию процесса собственно научного исследования.

Если согласиться с тем, что главное предназначение любой науки (и психологии, в том числе как истории психологии) состоит в *порождении нового научного знания* (причем не любого, просто нового знания, но нового знания, помогающего обществу, людям более эффективно решать актуальные проблемы [1]), — то центральным становится анализ науки именно как вида познавательной деятельности людей. При этом две другие стороны науки (наука как совокупность уже добытых понятийно-концептуально упорядоченных знаний, а также наука как социальный институт) должны рассматриваться как существенные, но сопутствующие главному в науке — *процессу порождения нового знания, необходимого для решения новых социально (и/или персонально) важных проблем*.

Если согласиться с вышесказанным, то системное представление о науке как форме общественного сознания потребует диалектического единства сторон науки, обеспечивающих как сохранность и относительную устойчивость ее прежних концептуальных завоеваний, проверенных методов и методологических принципов, так и готовность исследователей к обновлению научных подходов, теорий, содержания научных понятий и к разработке усовершенствованных методов исследования. Если в реальной научной деятельности ученых не будет обеспечена вторая тенденция — то первая тенденция, рассматриваемая как центральная, может, на наш взгляд, привести к преобладанию консервативности, стагнации, регрессу науки.

Для продвижения рассуждений в намеченном направлении могут быть полезны материалы конференции, проведенной в апреле 1986 г. в Звенигороде по теме “Традиции и революции в истории науки” [8], отмеченные и авторами обсуждаемой статьи. Известный специалист в области истории и философии науки, доктор философских наук (впоследствии — член-корр. РАН, заведовавшая сектором философских проблем истории науки в Институте философии РАН) Пиама Павловна Гайденко отмечала во введении к сборнику материалов этой конференции важность понимания диалектики соотношения традиций и новаций в научном познании действительности [2, с. 3–11]. Она призывала к конкретному анализу

содержания научных текстов в историко-научных исследованиях, по-возможности, к полному учету самых разных факторов, влияющих на деятельность ученых, предлагала избегать крайних позиций, когда в центре интересов историков науки оказываются исключительно “традиции”, или “революции”, “новации” [там же].

В разработке программы историко-психологического исследования новаций в науке (параллельно с традициями как механизмами преемственности) могут быть полезны виды научных революций, выделенные на примере биологии в докладе Н.И. Кузнецовой и М.А. Розова [4, с. 60–82]. В частности, эти ученые предлагали изучать четыре типа научных революций: “появление новых фундаментальных теоретических концепций; разработку (или заимствование) новых методов; открытие новых объектов исследования; формирование новых методологических программ” [4, с. 60].

Итак, традиции и новации в науке можно рассматривать как “две стороны одной медали”, как неустранимые в научном анализе явления, игнорирование или преуменьшение значимости каждого из которых может иметь негативные последствия. Авторы обсуждаемой статьи [6–7] следуют заявленной в названии статьи теме, и термин “традиция” на порядок чаще встречается в тексте по сравнению с “новацией”. Другими словами, можно принять результаты, к которым пришли наши авторы, но при этом было бы, возможно, полезным дополнить в дальнейшем намеченную ими программу исследования вариантов традиций в психологии (и ее истории), как механизмов преемственности, — программой анализа вариантов порождения новых проблем, исследовательских программ, концепций, методов, новых научно-психологических и историко-психологических знаний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Богданов А.А.* Наука об общественном сознании. Краткий курс идеологической науки в вопросах и ответах. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1914. 199 с.
2. *Гайденко П.П.* Введение // Традиции и революции в истории науки. / Отв. ред. П.П. Гайденко. М.: Наука, 1991. С. 3–11.
3. *Гусельцева М.С.* Понятие прогресса и его отражение в науках о человеке // Прогресс психологии: Критерии и признаки / Под ред. А.Л. Журавлева, Т.Д. Марцинковской, А.В. Юревича. М.: Институт психологии РАН, 2009. С. 13–31.
4. *Кузнецова Н.И., Розов М.А.* О разнообразии научных революций // Традиции и революции в истории науки / Отв. ред. П.П. Гайденко. М.: Наука, 1991. С. 60–82.

5. *Носуленко В.Н., Терехин В.А.* Передача знаний: обзор основных моделей и технологий // Экспериментальная психология. 2017. Т. 10. № 4. С. 96–115.
6. *Олейник Ю.Н., Журавлев А.Л.* Научные традиции как механизм преемственности психологического познания. Часть 1. Состояние и трудности изучения // Психологический журнал. 2024. Т. 45. № 3. С. 5–14.
7. *Олейник Ю.Н., Журавлев А.Л.* Научные традиции как механизм преемственности психологического познания. Часть 2. Проблемы, подходы и перспективы исследования // Психологический журнал. 2024. Т. 45. № 4. С. 5–15.
8. Традиции и революции в истории науки. Отв. ред. П.П. Гайденоко. М.: Наука, 1991. 264 с.
9. *Шацкий Е.* Утопия и традиция: Пер. с польск. / Общ. ред. и послесловие В.А. Чаликовой. М.: Прогресс, 1990. 454 с.
10. *Юревич А.В.* Психология и методология. М.: Институт психологии РАН, 2005. 312 с.
11. *Nonaka I., Takeuchi H.* The Knowledge-Creating Company: How Japanese Companies Create the Dynamics of Innovation. NY: Oxford University Press, 1995.

TRADITIONS, CONTINUITY AND INNOVATIONS IN PSYCHOLOGICAL AND HISTORICAL-SCIENTIFIC COGNITION

O. G. Noskova^{1,*}

¹*Lomonosov Moscow State University;*

125009, Moscow, Mokhovaya str., 11/9, Russia.

**ScD (Psychology), Professor, Professor of Department of Work and Engineering Psychology,
Faculty of Psychology.*

E-mail: nog4813@mail.ru

Received 14.04.2025

Abstract. The text was prepared in the order of the discussion on the pages of the Psychological Journal of the article by Yu.N. Oleinik and A.L. Zhuravlev “Scientific traditions as a mechanism of continuity of psychological cognition”, published in two parts: Part 1. — “The state and difficulties of studying” and Part 2. — “Problems and prospects of research” (Psikhologicheskii zhurnal, № 3–4, 2024). The valuable ideas of the article under discussion, which are important for psychological science and its history, are noted; in addition, controversial provisions are highlighted, and options for their correction and addition are proposed.

Keywords: science of science, psychological science, methodology of science, history of psychology, traditions, continuity, innovations.

REFERENCES

1. *Bogdanov A.A.* Nauka ob obshhestvennom soznanii. Kratkij kurs ideologicheskoi nauki v voprosah i otvetah. Moscow: Knigoizdatel'stvo pisatelej v Moskve, 1914. 199 p.
2. *Gajdenko P.P.* Vvedenie. Tradicii i revoljucii v istorii nauki. Ed. P.P. Gajdenko. Moscow: Nauka, 1991. P. 3–11.
3. *Gusel'ceva M.S.* Ponjatie progressa i ego otrazhenie v naukah o cheloveke. Progress psihologii: Kriterii i priznaki. Eds. A.L. Zhuravlev, T.D. Marcinkovskaya, A.V. Jurevich. Moscow: Institut psihologii RAN, 2009. P. 13–31.
4. *Kuznecova N.I., Rozov M.A.* O raznoobrazii nauchnyh revoljucij. Tradicii i revoljucii v istorii nauki. Ed. P.P. Gajdenko. Moscow: Nauka, 1991. P. 60–82.
5. *Nosulenko V.N., Terehin V.A.* Peredacha znaniy: obzor osnovnyh modelej i tehnologij. Jeksperimental'naja psihologija. 2017. V. 10. № 4. P. 96–115.
6. *Olejnik Ju.N., Zhuravlev A.L.* Nauchnye tradicii kak mehanizm preemstvennosti psihologicheskogo poznanija. Chast' 1. Sostojanie i trudnosti izuchenija. Psikhologicheskii zhurnal. 2024. V. 45. № 3. P. 5–14.
7. *Olejnik Ju.N., Zhuravlev A.L.* Nauchnye tradicii kak mehanizm preemstvennosti psihologicheskogo poznanija. Chast' 2. Problemy, podhody i perspektivy issledovanija. Psikhologicheskii zhurnal. 2024. V. 45. № 4. P. 5–15.
8. Tradicii i revoljucii v istorii nauki. Ed. P.P. Gajdenko. Moscow: Nauka, 1991. 264 p.
9. *Shackij E.* Utopija i tradicija: Perv. s pol'sk. Ed. V.A. Chalikova. Moscow: Progress, 1990. 454 p.
10. *Jurevich A.V.* Psihologija i metodologija. Moscow: Institut psihologii RAN, 2005. 312 p.
11. *Nonaka I., Takeuchi H.* The Knowledge-Creating Company: How Japanese Companies Create the Dynamics of Innovation. New York: Oxford University Press, 1995.